

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мишель Селмер

ПОСТЕЛЬНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ

103

 HARLEQUIN®

Содлази

Мишель Селмер

Постельная дипломатия

Серия «Соблазн – Harlequin», книга 103

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9871688

Постельная дипломатия: роман / Пер. с англ. Р.М. Юсуповой: ЗАО

Издательство Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05686-3

Аннотация

Ровене приходится смириться с ролью пленницы собственного властного отца-сенатора, который не дает ей и шагу ступить без разрешения. Ее заключение в золотой клетке заканчивается, когда к сенатору приезжает красивый и обаятельный английский граф. То, что начинается как несерьезная интрижка, заканчивается свободой жить и любить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мишель Селмер

Постельная дипломатия

Bedroom Diplomacy

© 2013 by Harlequin Books S.A.

«Постельная дипломатия»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Глава 1

Ровена Тейт из последних сил сохраняла крохи терпения, слушая личную ассистентку ее отца, Маргарет Веллингтон.

– Он просил передать, что уже едет.

– И? – Ровена знала, что это был еще не конец сообщения.

– Это все, – ответила Маргарет, но дрогнувший голос ее выдал.

– Из тебя лгунья еще хуже, чем из меня.

Маргарет вздохнула и сказала таким знакомым сочувственным тоном:

– Он просил тебе напомнить, чтобы ты хорошо себя вела.

Ровена сделала глубокий успокаивающий вздох. Этим утром отец уведомил ее по электронной почте, что намерен привести гостя взглянуть на детский сад. Ровена получила приказ – не просьбу, потому что сенатор Тейт никогда ни о чем не просил, – привести все в порядок. Уже не первый раз с тех пор, как Ровена взялась за управление его проектом, отец намекал, что она по-прежнему импульсивна, безответственна и ни на что не способна.

Она выглянула в окно: после пяти дождливых дней подряд наконец выглянуло солнце, и дети из дневной группы наслаждались долгожданной свободой под открытым небом. Каким бы ужасным ни было ее настроение, Ровена не могла удержаться от улыбки, глядя на играющих малышей. До по-

явления Дилана она мало интересовалась детьми, а сейчас не могла представить для себя другого занятия. И она знала – если она будет неосторожна, ее отец мог лишить ее и этого тоже.

– Он никогда не будет мне доверять.

– Он же поставил тебя управлять центром.

– Да, но даже через три месяца он все еще наблюдает за мной, как ястреб. Иногда мне кажется, он хочет, чтобы я оступилась, чтобы он смог сказать: «Я же тебе говорил».

– Это не так. Он любит тебя, Ро. Просто он не умеет это показывать.

За пятнадцать лет в должности ассистентки Маргарет стала частью семьи и одной из тех немногих, кто понимал сложные отношения между Ровеной и ее отцом. Маргарет была с ними с тех пор, как Амелия, мать Ровены, послужила поводом для грандиозного скандала, сбежав с протеже сенатора.

Так разве стоит удивляться тому, что Ровена такая шальная?

«Была шальной», – напомнила она себе.

– Кто на этот раз? – спросила она у Маргарет.

– Британский дипломат. Я мало о нем знаю, кроме того, что он лоббирует твоего отца для подписания технического соглашения с Великобританией. И по-моему, он имеет какое-то родственное отношение к королевской фамилии.

Сенатор наверняка был в восторге.

– Спасибо за предупреждение.

– Удачи, милая.

Звонок оповестил Ровену о прибытии отца. С тяжелым вздохом девушка поднялась из кресла и сняла испачканный краской халат, который носила на утреннем уроке рисования. Пройдя через игровую комнату, она пересекла детскую площадку и отперла ворота, которые всегда держали на замке – не только для того, чтобы не выпускать детей, но и чтобы не могли войти посторонние. Сенатор – влиятельный человек, и, раз уж детский сад находится на территории его поместья, лишняя осторожность не помешает.

За воротами стоял отец, одетый для игры в гольф и улыбающийся искусственной улыбкой политика. Но взгляд Ровены привлек его спутник.

«Ух ты!»

Британского дипломата Ровена представляла как лысеющего надутого индюка за сорок, с эго под стать его счету в швейцарском банке. Но этот мужчина был ее возраста, с волосами цвета сухой пшеницы, коротко остриженными и уложенными в стильные острые прядки. Пронзительные глаза такого яркого синего цвета, что это могли быть только тонированные линзы, в окружении густых темных ресниц, за которые продала бы душу любая женщина. Может, у него и был королевский титул, но аккуратно подстриженная светлая щетина и небольшой шрам, рассекающий левую бровь, придавали ему крутой вид. При росте под два метра худощавое сложение должно было бы сделать его нескладным, од-

нако он выглядел совершенством.

Мятежный дух проснулся в Ровене и сказал этому красавцу: «Иди ко мне, детка!» Однако взрослая логичная Ровена на собственном опыте знала, что такие бесстыдно красивые и могущественные мужчины приносят самые большие проблемы. Но к сожалению, с ними интереснее всего – пока они не получают все, что хотели, и не перекинутся на следующую цель. Как, например, Дилан, отец ее сына, который заделал ей ребенка и испарился.

Ровена набрала код и открыла ворота.

– Милая, познакомься с Колином Миддлбери, – сказал сенатор; он обращался так к дочери, только когда хотел создать имидж любящего отца. – Колин, это моя дочь Ровена.

Колин устремил на нее свои поразительные глаза и одарил улыбкой-усмешкой, заставившей сердце забиться.

– Мисс Тейт, – сказал он шелковым голосом с выразительным акцентом, от которого в прежние времена Ровене пришлось бы обмахиваться веером, чтобы не растаять. – Очень приятно познакомиться.

«А как мне приятно...» Ровена покосилась на отца, который всем видом давал ей понять, что лучше бы вести себя прилично.

– Добро пожаловать в Лос-Анджелес, мистер Миддлбери.

– Пожалуйста, зовите меня Колин. – Его усмешка и изгиб левой брови сделали простые слова вызовом.

А пожимая его руку, Ровена ощутила восхитительное

электрическое покаяние. Ох, как давно мужчина не вызывал у нее таких ощущений! Большинство гостей отца были старыми толстыми политиками с липкими руками, сальными глазами и жадными улыбками. Такие считают, что их политическая власть делает их неотразимыми для любого существа с парой ног и парой грудей.

– Колин остановится в поместье для обсуждения подробностей договора, который я организую, – сказал ее отец. – Две-три недели.

Хуже всего в жизни дочери политика была обязанность изображать вежливую хозяйку, скрипя зубами. Но когда гость выглядит как Колин Миддлбери... пусть он даже ведет себя как урод, все равно есть на что посмотреть.

Тем временем сенатор посмотрел в сторону игровой площадки и спросил:

– Где мой внук?

– Наверху, с логопедом, – ответила Ровена.

На первом этаже здания располагался детский сад, а на втором – кабинеты физической, речевой и поведенческой терапии. Ее сын Дилан получал всю необходимую помощь, пока Ровена руководила детским садом. Конечно, это была идея сенатора, который обеспечивал внука всем лучшим.

– Когда он закончит? Я хотел бы познакомить его с Колином.

Ровена взглянула на часы:

– Не раньше чем через полчаса. И ему нельзя мешать.

– В другой раз, – сказал Колин и тут же поинтересовался у Ровены: – Вы присоединитесь к нам за ужином у Эставеза?

О, она бы очень этого хотела! Но взгляд отца подсказал ей правильный ответ.

– Может, в другой раз, – ответила она.

– Колин, позвольте порекомендовать вам небольшой тур, – предложил сенатор.

– С удовольствием, – ответил Колин; может, дело было в акценте, но казалось, что он говорит искренне.

– Я начал этот проект два года назад, – гордо произнес сенатор, направляясь к дому, и, конечно, не стал упоминать, что идея принадлежала Ровене.

– Эй, Ро!

Оглянувшись, Ровена увидела Патрицию Адамс, помощника менеджера и свою лучшую подругу. Патриция – а для друзей Триша – присматривала за детьми на игровой площадке. Поймав взгляд Ровены, она обмахнулась ладонью и одними губами сказала: «Вот это да!»

Ровена не могла не согласиться.

Всего через несколько минут сенатор и Колин появились снова, причем сенатор явно был на взводе.

– Кто-то оставил краску на краю стола, и она попала на брюки Колина, – сообщил он. Тон был ровным, но Ровена видела по тому, как он стискивал челюсти и пучил глаза, насколько он зол. Колина же, напротив, как будто ничуть не заботило то, что его левую штанину украшало большое ли-

ловое пятно.

– Право, не о чем беспокоиться, – сказал он.

– Это акварель, она легко отмывается, – сказала ему Ровена. – Уверена, Бетти, наша экономка, позаботится об этом. Но если вдруг все-таки останется пятно, я заплачу за ущерб.

– Это совершенно точно не понадобится, – уверил ее Колин.

– Ладно, мы не будем отвлекать тебя от работы. – Отец растянул губы в искусственной улыбке. – Колин, простите, могу я переброситься с дочерью парой слов наедине?

«Ну вот, начинается».

Ровена последовала за отцом в дом, где он развернулся и немедленно начал:

– Ровена, все, о чем я прошу, – чтобы здесь было чисто и презентабельно, когда я привожу гостей. Неужели так трудно стереть пятна краски? Колин королевской крови, герцог, герой войны. Почему ты с ним так груба?

«Если он герой войны, то сталкивался с худшим, чем акварель на штанах». Но сказать это вслух Ровена не посмела. Как много раз до этого, она проглотила свою гордость и даже ухитрилась не подавиться горечью.

– Мне очень жаль, наверное, мы где-то пропустили, когда прибирались. Следующий раз я буду внимательней.

– Если следующий раз будет. Если ты не способна даже краску вытереть, как тебе можно доверять заботу о детях? После всего, что я сделал для тебя и Дилана... – Сенатор по-

качал головой, словно не находя слов для ее наглости и эгоизма, так что Ровене оставалось только извиняться. А потом, для драматического эффекта, он гневно вылетел за дверь.

Ровена привалилась к стене, рассерженная и раздраженная... и да, обиженная. Но сколько бы отец ни пытался ее подавить, она всегда держалась.

– Эй, Ро? – В дверях стояла встревоженная Триша. – Ты в порядке?

Ровена сделала глубокий вдох, расправила плечи и заставила себя изобразить гримасу, похожую на улыбку.

– Ничего страшного.

– Я слышала, что он сказал про краску. Это я виновата. Я попросила Эйприл протереть столы и забыла проверить, не пропустила ли она что-нибудь. Я знаю, как он придирчив, когда приводит гостей. Мне надо было быть внимательнее. Мне так жаль.

– Триша, ты же знаешь, если бы не было этой краски, он бы нашел что-нибудь другое.

– То, как он с тобой обращается, неправильно.

– Он многое пережил из-за меня.

– Ро, ты изменилась. Ты привела свою жизнь в порядок.

– Но без его помощи я бы не смогла этого сделать. Ты не можешь отрицать, что мы с Диланом многим ему обязаны.

– Это он хочет, чтобы ты так думала. Но это не повод обращаться с тобой как с рабыней. Ты бы и без него справилась.

Ровена хотела бы ей поверить, но в прошлый раз без отца

она сумела только испортить себе жизнь.

– Знай, мое предложение в силе. Если ты и Дилан захотите пожить у меня...

Но как только она уйдет из дома, отец откажется не только от нее, но и от Дилана. Она останется без денег на медицинскую помощь, и у отца появится рычаг давления, чтобы отобрать у нее сына. Сенатор угрожал этим с того дня, как Дилан родился, и Ровена не сомневалась, что он выполнит угрозу.

– Я не могу, Триша, но я очень благодарна тебе за предложение.

Она дошла до этого из-за собственной безответственности и неосторожности и выбраться тоже сможет только своими силами.

Колин никогда не доверял слухам. Поэтому, когда ему донесли сплетни про дочь сенатора, он не стал делать выводы, пока не познакомится с ней сам. Может, он не все увидел, но пока она производила приятное впечатление. Конечно, даже если бы у нее были две головы и копыта, он все равно вел бы себя исключительно вежливо.

Это назначение было первым в его дипломатической карьере, и хотя Колин совершенно не планировал оказаться в таком положении в текущий период жизни – или когда бы то ни было, – но собирался использовать его по полной. Его предупреждали, что при работе с американскими диплома-

тами, особенно такими влиятельными и могущественными, как сенатор Тейт, не стоит поворачиваться спиной. Сенатор добивается того, что хочет. Если он поддерживает какой-то закон, его коллеги соглашаются. Королевская семья рассчитывала, что Колин обеспечит принятие договора о технике, закона, который необходим для Британии и для США. В обеих странах наблюдалось слишком много случаев взлома телефонов и Интернета. Договор обеспечит международным правовым структурам инструменты для наказания виновных.

Хакеры сделали публичной информацию о внебрачной дочери президента Моро, причем на балу по случаю его инаугурации, где присутствовали его семья, друзья и множество знаменитостей. Более того, предполагаемая дочь, Ариэлла Уинтроп, стояла в двух шагах от него; ее эта новость тоже застала врасплох. После этого США, наконец, согласились на переговоры. А Колину оставалось их провести.

Он был уже на полпути к особняку, когда его догнал сенатор Тейт и снова извинился.

– Поверьте, ничего страшного.

– Не секрет, что у Ровены в прошлом были проблемы, – сказал сенатор. – Но она прикладывает много усилий, чтобы их преодолеть.

Однако сам сенатор, похоже, держал ее на коротком поводке. Глупо так переживать из-за разлитой краски.

– Думаю, у нас всех в прошлом есть что-то, чем мы не стали бы гордиться, – произнес Колин.

Сенатор несколько мгновений молчал, а потом тревожно посмотрел на него:

– Колин, могу я говорить прямо?

– Конечно.

– Насколько мне известно, у вас репутация... дамского угодника.

– Правда?

– Поверьте, я ничего дурного не имел в виду, – поспешил заверить его сенатор. – Ваша личная жизнь – это ваше дело.

Колин не отрицал того, что в его жизни было немало женщин, но никого из них он не обманывал. Он всегда с самого начала предупреждал, что не спешит заводить семью, и не обещал эксклюзивных отношений.

– Сэр, эта моя так называемая репутация несколько преувеличена.

– Вы молоды, полны сил – самое время этим пользоваться. – В конце этого предложения Колин услышал непроизнесенное «однако». – В обычных обстоятельствах я вообще не стал бы об этом говорить; но поскольку вы немало времени проведете в моем доме, у меня есть некоторые правила.

«Правила?»

– Моя дочь бывает очень... импульсивной, и в прошлом мужчины пользовались этим, чтобы подобраться ко мне. Или просто использовали ее.

– Поверьте, сэр...

Сенатор поднял ладонь:

– Я вас ни в чем не обвиняю.

Однако впечатление создалось именно такое.

– Тем не менее я вынужден настаивать на том, что, пока вы остаетесь в моем доме, моя дочь для вас запретна.

Ну что ж, прямее не бывает.

– Конечно, – ответил Колин, не уверенный, обижаться ему, смеяться или пожалеть сенатора. – Я здесь только для работы над договором.

– Что ж, – кивнул сенатор, – тогда приступим к делу.

Глава 2

После долгого дня многообещающей совместной работы с сенатором и ужина с ним и несколькими друзьями Колин нашел тихий темный уголок у бассейна, чтобы отдохнуть. Из особняка его не было видно. Только здесь Колин чувствовал себя в одиночестве. А это было ему необходимо. Вытянувшись на шезлонге, он смотрел в ясное небо, полное звезд, и потягивал лучший виски сенатора.

Зазвонил телефон, и, к своему удивлению, он увидел на дисплее номер своей сестры. В Лондоне было 5.30 утра.

– Ты рано проснулась, – сказал он вместо приветствия.

– У мамы тяжелая ночь, – ответила она, – так что я не спала, смотрела телевизор. Вот и решила проверить, как ты там.

– М-м-м... Интересно.

Он рассказал сестре про предупреждение сенатора, и сначала она решила, что Колин шутит.

– Чистая правда! – поклялся он.

– Ее отец действительно сказал, что она под запретом?

– Именно так и сказал.

– Невероятная бестактность!

– Очевидно, у меня есть определенная репутация.

Колин не мог не признать, что огненно-рыжие волосы Ровены и ее выразительные изумрудные глаза в других обсто-

ательствах вызвали бы у него интерес. И немалый. Но он вполне мог держать себя в руках при красивой женщине.

– Может, тебе стоит вернуться домой, – сказала Мэтти.

Она имела в виду Лондон. Однако, хотя Колин почти весь период восстановления провел там, это место было для него домом не больше, чем в детстве. Его домом была частная школа-интернат, а затем та страна, в которой располагался его полк.

– Ты столько пережил, и раны все еще заживают, – настаивала Матильда.

Старше на двенадцать лет, она всегда была ему больше матерью, чем сестрой. И еще больше после аварии.

Конечно, ему повезло выжить, но не стоило заикливаться на прошлом. Самые страшные раны затянулись, и ему нужно продолжать жить. Разумеется, забыть все полностью невозможно, да Колин и не хотел бы этого. Он гордился службой и честью защищать свою страну. В глубине души он навсегда останется воином.

– Знаю, ты делаешь это ради семьи, – продолжила Матильда, – но политика? Колин, это... недостойно тебя.

К сожалению, Матильда, которая большую часть жизни провела вдали от королевской семьи и в изоляции от реальности, не могла в полной мере понять необходимость договора.

– Я должен это сделать. В личную жизнь нашей семьи столько раз вторгались, столько вреда наносили нашей репу-

тации. Это должно прекратиться. И для этого нужен договор.

– Я просто за тебя волнуюсь, – вздохнула сестра. – Тебе не холодно?

Колин рассмеялся.

– Я же в Южной Калифорнии. Тут не бывает холодно. – В отличие от Вашингтона, где он остановился ненадолго перед перелетом на Западное побережье. Там жестокий ветер и температура ниже нуля терзали его кости, напоминая болью и судорогами, что пройдет немало времени, прежде чем он полностью восстановится.

Они поболтали еще несколько минут, а потом Матильда начала зевать.

– Попытайся еще немного поспать, – посоветовал он.

– А ты обещаешь, что будешь осторожен.

– Обещаю. Люблю тебя, Мэтти. Передай горячий привет маме.

– Я тоже тебя люблю.

Колин убрал телефон в карман и закрыл глаза, мысленно перебирая все, что они сделали за день, и сколько работы еще осталось. Сенатор ко всему подходил тщательно и настаивал на том, чтобы они разобрали договор до последней запятой. А потом его так же тщательно будут проверять в Британии, прежде чем принять решение.

Кажется, он задремал, потому что проснулся от громкого всплеска. Вскинувшись в шезлонге, Колин отчаянно заморгал, секунду не понимая, где он. Он успел пожить в стольких

местах, что все они сливались у него в голове.

Ах да. Поместье сенатора. Бассейн.

Он заметил движение в воде на дальнем конце бассейна. Подсвеченная лампами на дне, воду рассекала неясная фигура. Когда она приблизилась, Колин узнал уже виденный уникальный оттенок рыжих волос.

Ровена нырнула и поднялась на поверхность на другом конце бассейна, совсем рядом с шезлонгом Колина. Перевернувшись, она оттолкнулась от бортика, рассекая воду. Колин смотрел, завороженный грациозными движениями ее тела, умелыми ровными взмахами рук, тем, как стремительно она пересекала бассейн из стороны в сторону. Через некоторое время она наконец остановилась на дальнем конце, устало цепляясь за край и переводя дыхание. Но всего через минуту она снова принялась плавать.

Наблюдая за ней, Колин наконец задумался о том, что его появление может быть неправильно понято сенатором. Чем больше он об этом размышлял, тем более неприличным казалось его присутствие. Можно было бы попытаться незаметно уйти, но если кто-то его увидит, то это только усилит впечатление, что ему есть что скрывать. Надо было уходить, как только Ровена нырнула в бассейн, а так Колин оказался в тупике. Разумнее всего было бы, наверное, дать о себе знать, а потом удалиться.

Все еще кипящая после выволочки, полученной сегодня от отца перед всем ее персоналом за то, что она потратила на тридцать долларов больше на краски и кисти, Ровена загоняла себя в бассейне, пытаясь выплеснуть раздражение. Руки и ноги уже казались резиновыми, а плечи ныли. Она не пила уже три года, два месяца и шесть дней, а сенатор все равно ждал, когда она оступится. И хотя Ровена не отрицала, что совершила много ошибок, она уже давно за них расплатилась. Она делала все, что требовал от нее отец, но этого всегда было недостаточно. Она всегда будет черной овцой, будет пытаться ему угодить, но так и не сумеет.

Трудно произвести впечатление на человека, который этого не хочет.

К концу заплыва она настолько вымоталась, что едва сумела выбраться из воды.

– Вот это нагрузка, – раздался из темноты позади нее незнакомый зловещий голос.

Она испуганно обернулась, но увидела только тень большой и угрожающей фигуры. Сердце замерло, а потом забилось втрое быстрее, по телу пробежала волна адреналина: Ровена сразу подумала про насильника или серийного убийцу. Она успела вообразить, как уборщик бассейнов Хосе находит ее распухшее посиневшее тело или как бедный бегун наткнется на ее труп на беговой дорожке в лесу.

«Беги!» – сказали ее инстинкты, и она отступила – прямо с края бассейна. Но когда она уже падала в воду, из темноты

вылетела рука и крепко поймала ее запястье, притягивая навстречу неизбежной судьбе. Ровена попыталась вырвать руку, но нападавший не отпустил ее, и в результате они оба с громким плеском полетели в бассейн.

– Какого черта вы творите? – спросил он, и на этот раз Ровена узнала голос – четкий акцент, шелковые и карамельные тона, в которых на самом деле не было ничего зловещего.

И когда рядом с ней вынырнул Колин, Ровена могла думать только о том, что отец ее убьет.

Если Колин не успеет первым.

– Ох, простите, пожалуйста, – взмолилась она.

Колин ухватился за край бассейна и подтянулся вверх. Однако Ровена так ослабела от облегчения после пережитого волнения, что, когда сама попыталась подтянуться, руки подвели ее, и она снова соскользнула в воду.

– Позвольте, – сказал Колин, протягивая ей руку. Ровена колебалась, и он со вздохом добавил: – Да возьмите же меня за руку.

Если она не согласится, то придется плыть к ступенькам на другом конце бассейна, а она сомневалась, что на это хватит сил. Так что Ровена схватила протянутую руку, и Колин как будто без всяких усилий вытащил ее из воды. Его сила заставила Ровену задаться вопросом, как получилось, что она утянула его в воду. Может, адреналин придал ей самой силы. Сейчас же она дрожала от слабости и холода.

Колин схватил ее полотенце со стула, но не стал вытирать-

ся сам, а накинул его на плечи Ровене. Ее скромный купальник вряд ли можно было счесть сексуальным, однако она чувствовала себя очень уязвимо.

Мокрые брюки и свитер Колина отчетливо демонстрировали, что он не собирался купаться. Разве что нагишом.

Ровена бы на это посмотрела.

На ее глазах он вынул из кармана промокших брюк дорогой телефон, потряс его, нажал несколько раз кнопку – но ничего не включилось. Если он расскажет об этом ее отцу, Ровене придет конец.

– Простите, пожалуйста. Я не знала, что здесь кто-то есть. Обычно я одна пользуюсь бассейном.

– А я не хотел вас напугать, – ответил Колин, выжимая рукава свитера. – Я сидел у бассейна и, видимо, задремал. Проснулся, когда вы нырнули.

– Ваш телефон, его можно спасти?

– Сомневаюсь, – отозвался Колин, засовывая мобильный обратно в карман.

Свитер тоже выглядел не слишком обнадеживающе. Отец отыграется на ней за все.

– Мне так жаль, Колин. Сначала краска на брюках, теперь это...

Он перестал возиться со свитером, растянутым и обвисшим, и сказал:

– Вы не одолжите мне полотенце?

– Конечно! – Ровена отругала себя за отсутствие манер.

Снабдить его полотенцем – самое меньшее, что она могла сделать после того, как ее попытка спастись от воображаемой гибели обернулась вполне реальной гибелью его телефона, одежды... и обуви, похоже, тоже. – Они все вон там, в павильоне.

Колин последовал за ней. Подошвы его кожаных ботинок скрипели на плитке. Ровене оставалось молиться, чтобы он не носил дорогие, но не переносящие воду часы.

Дверь оказалась заперта, но Ровена достала запасной ключ из тайника – отходившей панели у дверной рамы. Павильон при бассейне был по размерам с небольшую квартиру и оборудован всеми ее благами. Колин скинул ботинки у двери, входя следом за ней.

Ровена заглянула в ванную, откуда отдельная дверь вела к бассейну, и нашла на полке пляжные полотенца. Вышла она как раз тогда, когда Колин стягивал с себя мокрый свитер, демонстрируя грудь и живот, которые свидетельствовали о годах упражнений. Узкие бедра, сильные руки и ноги, которые под прилипшими мокрыми брюками выглядели длинными и мускулистыми.

Потом он повернулся, бросая мокрую одежду за дверь, и Ровена беззвучно втянула воздух. Неровные розовые шрамы от ожогов зажили, но все еще выглядели болезненно свежими. Они начинались чуть ниже плеч и спускались по всей длине спины, уходя под пояс брюк.

Ровена успела скрыть изумление к тому моменту, как Ко-

лин повернулся обратно. За исключением шрамов, его тело было воплощением совершенства.

– Полотенце? – попросил он, протянув руку.

– Простите.

– Прощаю, – измученно вздохнул Колин. – И перестаньте, наконец, извиняться.

– Изви... – Под его взглядом Ровена пожала плечом. – Привычка.

Глядя, как он вытирает восхитительно подтянутые бицепсы и трицепсы, Ровена ощутила заинтересованное покалывание в тех местах, которые очень давно не давали о себе знать. Хотя это последнее, чем ей сейчас стоило интересоваться.

Но Колин производил впечатление покладистого человека, так что Ровена рискнула попросить его:

– Может, можно не говорить об этом происшествии моему отцу?

Он одарил ее одной из своих очаровательных улыбок:

– Это будет нашим маленьким секретом.

Мысль о том, что у них будет общий секрет, не важно, большой или маленький, заставила ее сердце пропустить удар. Боже, в свои двадцать шесть Ровена чувствовала себя влюбленной школьницей.

– Сенатор требует от вас совершенства? – спросил Колин.

– У него очень высокие стандарты.

– На меня ваш детский сад произвел впечатление.

– Спасибо, – отозвалась Ровена и добавила, сама не зная

почему: – Это была моя идея.

Вместо того чтобы отместить ее слова или усомниться в них, Колин как будто искренне заинтересовался:

– Правда?

Наверное, стоило на этом закончить, но у Ровены не получалось замолчать.

– Отец всегда использовал имидж типичного американского семьянина. – Какая ирония: в реальности он мало внимания уделял семье, работа всегда была на первом месте. – Среди вопросов, которыми он занимался, были доступные детские сады для семей работающих родителей. В том числе для его собственного персонала. Логично было открыть детский сад для них. Это пошло на пользу карьере отца и помогает людям, которые на него работают.

– Значит, это ваш проект?

Ровена с нервным смехом покачала головой:

– Нет-нет, конечно, это его проект. Хотя мне нравилось помогать с планированием и смотреть, как все складывается. Я объезжала детские сады по всему городу и искала идеи в Интернете.

– Так почему тогда проект не ваш? – недоуменно сказал он.

– На чеках не мое имя. – И Ровене давно пора было замолчать.

– Чеки выписывать несложно. – Колин как будто опирался на свой опыт. – Похоже, всю трудную, настоящую работу

делали вы.

Если сенатор узнает, что она утверждает, будто детский сад был ее идеей, то просто взорвется.

– Право, я ничего такого не сделала.

– И все же вы очень гордитесь тем, для чего ничего такого не сделали. Судя по тому, что рассказали, – гордитесь по праву.

Но ее гордость работой не стоила того, чтобы наступать отцу на мозоли. Зачем она вообще об этом заговорила...

– Вы как будто нервничаете, – заметил Колин.

– Иногда мой язык опережает мои мысли, и я говорю то, что не следовало бы.

– Вас успокоит обещание, что все, что вы мне скажете один на один, сенатор никогда не услышит?

Ровена выдохнула с облегчением:

– Я точно буду благодарна за это.

– Хотя жаль, что вы скрываете свои достижения.

«Это инстинкт выживания».

– Наши с отцом отношения... непростые. И всем будет лучше, если я не буду его сердить.

– Могу понять.

«Правда?»

Ровена посмотрела на часы:

– Ох, я и не заметила, что уже так поздно! Нужно идти в дом, а то Бетти решит, что я утонула.

– Бетти, экономка?

Ровена кивнула.

— Она присматривает за Диланом, пока я плаваю. Обычно это занимает всего сорок минут... — Она замолчала, подсчитывая время. — Вы же сказали, что проснулись, когда я нырнула в бассейн?

— Меня разбудил плеск.

Однако Колин не дал о себе знать, пока она не закончила плавать. Что он все это время делал?

— Да, — сказал он, словно читая ее мысли. — Я смотрел, как вы плаваете. Понимаю, что это нарушение границ... Единственное мое оправдание, хотя и слабое, — вы меня заворожили. — Колин взял ее за руку обеими своими ладонями, и... снова это покалывание! Руки у него были большими, сильными и немного шершавыми. — Надеюсь, вы примете мои извинения.

Ох, как он хорош. Ровена совершила ошибку, посмотрев ему в глаза, и ее буквально затянуло в их синюю глубину. В таких глазах можно утонуть.

Не отводя взгляда, Колин сказал:

— Почему запретное хочется намного больше?

«Возьми меня», — хотела ответить она. Но потом напомнила себе, что он политик, и, хотя его слова звучат искренне, на самом деле он может врать не моргая. Но очень убедительно.

Однако невинный флирт никому не повредит. Правда?

Взгляд Колина встретил ее собственный, а затем скольз-

нул к губам. Естественно, это заставило Ровену посмотреть на его губы, и все ее мысли заняло то, насколько они располагали к поцелуям, как она хотела их целовать.

Колин поднял ее ладонь и прижался поцелуем к тыльной стороне – и земля разверзлась у нее под ногами. Как давно мужские губы не касались ее тела!

– Было очень приятно с вами поговорить, – сказал он. Ровена была абсолютно согласна.

– Может, повторим как-нибудь.

– Может быть. – Колин выпустил ее руку, но медленно, скользя по ее пальцам своими и задержавшись, когда они соприкасались только кончиками.

«Не уходи», – подумала она, но вслух сказать не посмела. Колин же, видимо, потерял дар чтения мыслей, потому что развернулся, подхватил свои ботинки и свитер и удалился.

Молча глядя, как Колин исчезает в темноте, Ровена мечтала снова повторить этот флирт, но понимала, что лучше бы не повторять ничего. Все равно ничего большего не получится.

Когда Ровена вернулась в свои комнаты, их горничная Бетти лежала на диване и смотрела повтор «Династии» по телевизору.

– Ты так долго плавала, – заметила она, садясь и выключая телевизор. Тугие седые кудряшки на затылке сплющились.

– Извини, Бетти. Я не планировала так задерживаться.

– Можно подумать, у меня есть более интересные занятия, – фыркнула Бетти. Она не спрашивала, почему Ровена задержалась, и та не стала делиться.

Бетти медленно поднялась с дивана, потягиваясь артритной спиной. Горничная служила их семье с тех пор, как сама Ровена была ребенком. Она научила девочку печь печенье, рассказала про птичек и пчелок, отвела на примерку первого лифчика. Мать Ровены не тратила время на такие глупости. Но теперь возраст сказывался, физически она уже с трудом справлялась с работой, и скоро ей придется уходить на пенсию.

– Дилан просыпался?

– Даже не шелохнулся.

– Спасибо, что присматриваешь за ним, – сказала Ровена, обнимая горничную.

– Не за что, милая. Завтра в то же время?

– Если тебе не трудно. – Провожая Бетти к двери, Ровена как бы между прочим спросила: – Как тебе наш гость?

– Мистер Миддлбери? Ведет себя приятно, очень вежливый. Любит пофлиртовать, наверное... но ведь какой красавчик! – Она оглянулась на Ровену. – Ваше поколение еще называет мужчин красавчиками?

– Вполне.

– Вот и славно. Ему точно подходит. Будь я лет на тридцать помоложе... – ухмыльнулась она. – А почему ты спрашиваешь?

Ровена пожала плечами:

– Просто любопытно.

– Приглянулся?

– Вовсе нет. Ты же знаешь, я не встречаюсь с политиками.

– О, так он не политик. Просто делает услугу своей семье.

Они считают, что раз он герой войны, то в Вашингтоне у него будет больше влияния.

Не политик? Любопытно.

– Ты много о нем знаешь, – заметила Ровена.

– Мы пару раз болтали. И тебе стоит.

Ровена не стала упоминать уже случившийся разговор.

– Я об этом подумаю.

Проводив Бетти, Ровена проверила, как там Дилан – он крепко спал в кроватке, – а затем приняла душ, переоделась в пижаму и забралась в кровать с ноутбуком, чтобы проверить свой электронный почтовый ящик, в основном забитый спамом. Уже собираясь выключать ноутбук, она вдруг подумала, что было бы неплохо найти какую-нибудь информацию о Колине. В результатах поиска вместо светских колонок с перечислением любовниц и выходок герцога обнаружились новостные статьи о его героизме во время войны.

Он явно заслужил такую честь. Во время его последнего тура на Среднем Востоке вертолет, в котором он летел, разбился. Его выбросило, но, несмотря на сломанную ногу, Колин приполз обратно и вытащил пилота, потерявшего сознание. Оба серьезно обгорели, но выжили.

Похоже, ему очень повезло. За исключением маленького шрама, рассекающего бровь, у него не осталось видимых следов. Конечно, пока он не снимал одежду. Но Ровене совершенно не стоило сейчас думать про Колина без одежды. Иногда ей не хватало свиданий. Но в конце концов, она всем могла сама себя обеспечить – в спальне и вне ее.

Но ведь было бы так славно...

Глава 3

Следующий день тянулся медленно, словно время застряло в бочке с патокой. Ровена старалась найти себе занятие – заказала припасы для детского сада, писала учебные планы и искала в Интернете идеи для поделок. Но то и дело прямо посреди работы у нее перед глазами появлялся образ Колина, каким он был в павильоне – с обнаженным торсом, с перевитыми жилами руками, – и она совершенно забывала, что делает.

Придет он сегодня снова к бассейну? Или сказал «может быть», только чтобы ее не обижать? Может, после разговора она ему больше не нравилась?

Весь день она нервничала и отвлекалась, а за ужином краем уха слушала рассказ Дилана о прошедшем дне. Что, если Колин действительно придет? Что тогда? Даже если Ровена ему нравится, он приехал всего на несколько недель. Они все равно не смогут начать отношения.

Ровена теперь взрослая и ответственная. У нее есть ребенок. Дни коротких романов и интрижек на одну ночь закончились в тот день, когда она узнала, что беременна. Это... несолидно.

Незачем было гадать, придет Колин к бассейну или нет. Но почему, когда вечером все кресла у бассейна оказались пустыми, она была так разочарована?

На обратном пути Ровена подумала, не свернуть ли к комнатам Колина. Просто сказать снова, что ей понравилось с ним беседовать, а если ему что-то нужно, стоит только попросить.

И конечно, он скажет: «Ровена, мне нужна только ты».

Он будет без рубашки, может, только что из душа, с каплями воды на широких плечах. Волосы мокрые и взъерошенные. Он протянет руку, и после нескольких секунд колебания она ее примет. Колин втянет ее в комнату и закроет за ними дверь...

На этом моменте она заставила себя идти дальше, в свои комнаты. Хотя вряд ли что-то такое вообще случится, но ее пугала мысль о возможных последствиях.

На следующее утро она сумела вообще не думать о Колине, пока по дороге к особняку не увидела его вместе с адвокатом отца на задней террасе.

– Здравствуй, Колин, – сказала она с улыбкой. При виде его сердце у нее забилося быстрее, но тут же снова упало от его ответа:

– Здравствуйте, мисс Тейт.

Что тут еще скажешь. Расправив плечи, Ровена пошла дальше. Незачем было огорчаться или обижаться. Они всего раз поговорили, и не то чтобы он обещал ей новые встречи. Для того чтобы больше с ним не встречаться, обратно Ровена пошла долгим путем – через парадную дверь, вниз по дороге и снова наверх, четверть мили до детского сада.

– Почему ты пошла долгим путем? – спросила Триша.

– Хорошая физическая нагрузка, – объяснила Ровена, а потом спряталась в своем офисе до обеда, пытаясь не жалеть себя. Какие глупости. Сказывается то, что она столько времени не выходила из поместья.

Днем Дэвис, бойкий мальчишка, мать которого работала на сенатора в отделе сбора пожертвований, свалился со шведской стенки, и Ровена сидела с ним, держа лед на опухшей и покрытой синяками руке, пока не приехала его мать и не умчала сына в больницу. Ровена заполнила отчет о несчастном случае и остальные бумаги, а затем выслушала отповедь отца – причем прямо при Дилане, – потому что, разумеется, виновата оказалась она.

– Дэвису сегодня бо-бо, – сказал Дилан, когда вечером она укладывала его спать.

Ровена подтянула одеяло ему под подбородок.

– Да, Дэвису бо-бо. Но его мама позвонила и сказала, что это маленькое бо-бо. Ничего не сломано.

В его больших карих глазах читалось искреннее облегчение. Дилан сам многое пережил в свои два с половиной года и глубоко сочувствовал другим. И хотя физически у него были ограничения, ее сын обладал острым умом и мудростью не по возрасту.

– Деда на тебя злится, – сказал он.

– Нет, малыш, он не злится, – соврала Ровена. – Он просто беспокоится за Дэвиса. Но Дэвис в порядке, и все хорошо.

Ей так надоело оправдываться за отца. Дилан его обожал. Других дедушек и бабушек у него не было. Но Дилан был очень умным и вскоре начнет понимать, что за человек его дед.

Когда Ровена целовала его на ночь, Дилан задал вопрос, который повторял с тех пор, как научился говорить:

– Када бошую кловать?

Ровена вздохнула и взъерошила его рыжие кудряшки.

– Да, милый, скоро у тебя будет кровать для больших мальчиков.

Она чувствовала себя виноватой в том, что не может исполнить желание Дилана. Но она пока не готова была рисковать. В своей колыбельке он точно будет в безопасности. С обычной кровати он может упасть и ушибиться, если у него случится судорога или даже если будет сильно ворочаться.

Приняв ее пустые обещания с полной надежды улыбкой, как всегда, и обнимая свою любимую игрушечную гоночную машинку, Дилан повернулся на бок и закрыл глаза. Такой маленький, незащитный. Ровена не была готова к тому, что он вырастет. Наклонившись, она еще раз поцеловала его и прошептала:

– Я люблю тебя.

– Я тея тозе, – отозвался малыш сонно.

Она выключила свет, проверила, что радионяня включена, и выскользнула из комнаты. Хотя к концу дня ей нужно было отдохнуть и побыть наедине с собой, она терпеть не

могла оставлять сына одного. Первые полтора года она укладывала его с собой в кровать, пока педиатр не предупредил, что это может замедлить его развитие. Но так трудно было отпустить его, ослабить контроль.

По дороге к бассейну она настолько погрузилась в размышления, что сначала не заметила фигуру, сидящую в шезлонге – в том, который в прошлый раз занимал Колин. Вряд ли кто-то, кроме него, оказался бы у бассейна, и вряд ли кто-то еще выбрал бы тот же шезлонг. И, несмотря на прохладное приветствие утром, было бы грубо не поздороваться сейчас.

Подойдя ближе, Ровена увидела, что у него голова склонена к плечу, глаза закрыты и он дышит медленно и глубоко. На коленях он расслабленно держал кружку с чаем. Не самое подходящее место для горячего напитка.

– Колин? – позвала она негромко, чтобы не испугнуть, но мужчина не пошевелился. Он выглядел таким спокойным. Может, не придется его будить, достаточно просто забрать у него кружку и поставить на столик...

Очень осторожно, кончиками пальцев, она подцепила кружку за краешек и начала медленно вытягивать ее из рук Колина. Она подняла ее до половины, когда взглянула на лицо Колина и обнаружила, что он открыл глаза и смотрит на нее.

Чувствуя, как его брюки пропитывает холодный чай, Колин запоздало осознал, что, пока Ровена не убрала кружку на безопасное расстояние, глаза открывать не стоило. Но когда

мужчине снится, что он с женщиной, а проснувшись, он обнаруживает ее руки в сантиметрах от своей ширинки, трудно на нее не посмотреть. И в течение нескольких напряженных секунд ему казалось, что она тянется не к кружке.

– О господи, извините, пожалуйста! – воскликнула Ровена, которая как будто не могла решить, плакать или смеяться. – Надеюсь, чай был не горячий?

Колин поставил кружку на землю рядом с шезлонгом.

– Вообще-то очень холодный.

Ровена поморщилась:

– Я... ничего там не повредила?

Колин едва не опрокинул кружку.

– Все в порядке.

– Не знаю, насколько это поможет... – Ровена вручила ему полотенце.

Поднявшись из шезлонга, Колин перегнулся, рассматривая свои брюки, и отдал полотенце обратно.

– Думаю, что теперь уже безнадежно.

– Я хотела убрать кружку, потому что боялась, что она разольется. Я понимаю всю иронию ситуации.

Чай, который не впитался в брюки, просочился до белья.

– Слуги подумают, что я чокнутый. Один раз пришел промокший до костей, другой раз – как будто я обмочился.

Ровена прикусила губу, пытаясь не смеяться, а потом предложила:

– Я могу сходить к вам в комнату и принести чистые брю-

ки. Или одолжите плавки – в павильоне всегда есть запас. Наверняка найдете по размеру.

Последнее, что ему нужно, – чтобы кто-то увидел, как Ровена выходит из его комнаты. По крайней мере, рядом с бассейном не было лишних свидетелей.

– Плавки подойдут.

– Пойдем посмотрим.

В темноте казалось, что на Ровене платье. Но когда она включила свет в павильоне, оказалось, что это накидка поверх... оу. Бикини. Интересно, не специально ли она его надела? Но это не важно – она под запретом.

– В ванной на полке лежат запасные костюмы для плавания, – сказала Ровена. – Возьмите все, что нужно.

Колин нашел плавки примерно своего размера и стянул с себя мокрые брюки и белье. Оказалось, что нижний край рубашки тоже промок, и ее тоже пришлось снимать. Он натянул плавки и вышел из ванной. Ровена была в кухне, спиной к нему и наклонившись – она что-то искала в холодильнике. Накидка задралась и открыла гладкий изгиб ягодиц и бедер. «Черт возьми».

– Нашел подходящие, – сказал Колин.

Ровена выпрямилась и обернулась, в руке у нее была банка содовой. Она коротко взглянула на плавки, а затем подняла взгляд.

– Они большие, – сказала она. – Плавки, я имею в виду.

– Выбор был между этими и на два размера меньше.

Ровена открыла рот, чтобы что-то сказать, но затем покачала головой, передумав.

– Поделиться с тобой содовой или хочешь что-нибудь покрепче?

Получить то, что хотел, Колин не мог. А нужен ему был холодный душ. И стоило бы уйти. И он уйдет, как только выпьет что-нибудь.

– Содовая подойдет.

Ровена достала два стакана, налила напиток и добавила лед. Когда она вручала Колину стакан, пальцы их соприкоснулись, и он был уверен, что видел, как она вздрогнула.

«Ладно, хватит, – сказал он себе. – Вообще не следовало приходить. Лучше было остаться у себя в комнате и смотреть телевизор».

– Я поискала информацию о тебе в Гугле, – сказала она.

– Правда?

– Я увидела твою спину, и мне стало любопытно. Я думала, что отец преувеличил, назвав тебя героем, но это правда.

Колин пожал плечами:

– На этот счет есть разные мнения.

– Ты со сломанной ногой вытащил человека из горящего вертолета. Это героизм, Колин.

– По правде говоря, я не особенно помню, что произошло. Помню, что мы попали в песчаную бурю, и вертолет начал падать. Помню, как меня выбросило и как я смотрел на разбитый самолет, зная, что Уильям все еще внутри. Я не мог

стоять, но адреналин настолько зашкаливал, что я даже не понял, что сломал ногу. Я подполз обратно к вертолету и на ощупь нашел Уилла.

– Там был дым?

Колин кивнул:

– Да, густой черный дым. И песок. Ни черта не видно. Едва мог дышать. Но взрыва не было, пока я не оттащил его на несколько метров. Потом я отключился, но, к счастью, Уилл пришел в себя. Он потушил огонь у меня на спине и оттащил меня на безопасное расстояние. Очнулся я уже в госпитале.

– Я читала, что он отделался ожогами и сломанной рукой.

– Ожоги в основном на руках – он гасил огонь на мне.

– У него жена и четверо детей.

Колин кивнул, разделяя невысказанные эмоции.

– Ты еще вернешься в армию?

– Уже нет. Из-за травмы ноги я бесполезен в бою. Они предложили мне выбор: работать с бумагами или уйти в отставку. Но я не могу просто смотреть на поле боя со стороны. Я солдат.

– А что ты теперь будешь делать?

– У меня есть друг в службе безопасности. Он предложил мне работу. Меня останавливает только нога.

– Все еще болит?

– Иногда.

Почти постоянно на самом деле, но не так, как раньше. Сразу после операции боль была невыносимой. А за послед-

ний месяц Колину не пришлось принимать ничего сильнее ибупрофена.

– А спина? – спросила Ровена.

– Чувствительная, но не болит.

– Можно мне... потрогать?

Она играла с огнем. И кто глупее – тот, кто развел огонь, или тот, кто дал спички?

Взгляд Колина приковали ее губы, полные, розовые, умоляющие о поцелуях. И тут она скользнула по ним язычком, оставляя влажный след...

Черт возьми. Надо немедленно это прекратить.

– Ровена. – Он поставил стакан. – Нам нужно поговорить.

– Что-то не так?

– Я должен извиниться за прошлый вечер. И за сегодняшнее утро.

– Ладно...

– В тот вечер я был слишком... навязчивым. Боюсь, что создал у тебя ложное впечатление.

– Может, немного, – признала она.

– А сегодня... мое поведение непростительно. Я был с тобой очень груб и прошу за это прощения.

– Но?

– Ты мне нравишься, Ровена, но я не могу себе этого позволить.

– Из-за моей репутации? Боишься запачкать свое доброе имя?

– Нет! Господи, ничего подобного! Дело в твоём отце.

– При чем тут он? – нахмурилась Ровена.

– После нашего знакомства он имел со мной разговор. О тебе. И прямо предупредил меня, чтобы я к тебе не приближался.

Глава 4

Ровену как будто ударили под дых. Шок от слов Колина и наглость ее отца лишили ее дара речи. Она искренне не знала, что сказать. И даже если бы знала – гнев перехватил горло. Отец контролировал, где она работает, где она живет, как лечить ее сына. А теперь будет контролировать, с кем она общается? Что дальше? Ее одежда? Шампунь? Он собирается продолжать, пока не лишит ее остатков независимости?

Уже больше трех лет она играла по его правилам, делала и говорила все, что от нее ожидалось, искупая свои грехи. Но он никак не мог успокоиться, позволить ей жить своей жизнью. Что ей сделать, чтобы отец начал ей доверять? Чтобы увидел, как она изменилась?

А может, все это время она ошибалась. Может, она ничего не могла ему доказать, потому что дело было не в доверии. Отец всегда был жаден до власти; может, ему нравилось держать ее мертвой хваткой, под контролем.

В этот момент она ненавидела его сильнее всего в жизни.

– Наверное, он просто за тебя беспокоится, – сказал Колин.

– Поверь мне, дело не в этом, – напряженно ответила Ровена. – Совсем не в этом.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Вижу, что ты расстроена. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Давай проясним одну вещь. Моего отца совершенно не касается, с кем я общаюсь.

– Я согласен, но не могу рисковать возможностью, что он отзовет свою поддержку договора. Мы уже так далеко продвинулись.

– Он сказал, что отзовет поддержку?

– Не прямо, но намекнул.

Ровена ошиблась – она могла ненавидеть отца еще сильнее. Ее переполняли гнев, стыд, унижение и отвращение – к отцу и к себе.

– Ровена? – Колин коснулся ее плеча. – Ты в порядке?

Она покачала головой, стерев тыльной стороной руки сердитую слезу. Нет. Не в порядке. Отец перешел границы. И никогда не сможет вернуться. А хуже всего то, что она ему позволила. Но теперь хватит. У нее есть границы. Она освободится. Пока она не знала как, но придумает. От этого зависели ее достоинство и гордость. Но не только от этого.

– Колин, хочешь меня поцеловать?

У него был такой вид, словно это вопрос с подвохом.

– Можешь отказаться. Я просто хочу услышать правду.

– Да, хочу. Но...

– И я хочу. Впервые за три года я встретила человека, которого хочу поцеловать. И я не позволю никому, а особенно моему отцу, это запрещать. Никто не знает, что мы здесь, и я никому не скажу. Так что, если хочешь, поцелуй меня, всего раз.

Колин подошел ближе, не отводя глаз, и вплеп пальцы в ее волосы, подхватывая под затылок. Сердце у нее забилося, дыхание перехватило, когда он наклонился, запрокидывая ей голову, ее глаза закрылись, когда он коснулся ее губ своими...

Одно прикосновение. Второе. Он скорее дразнил ее, чем целовал. А потом он отодвинулся, глядя сверху вниз.

И все? Серьезно? Она хотела не просто поцелуй, а настоящий поцелуй.

– Колин, не обижайся, но я три года этого ждала. Надеюсь, ты способен на что-нибудь получше.

Может, это военная сноровка или он ниндзя, но двигался он стремительно. Только что стоял, глядя на нее, а в следующую секунду Ровена оказалась у него в объятиях и Колин ее целовал. По-настоящему целовал. И это стоило ожидания.

Она обвила руками его шею и зарылась пальцами в волосы. Колин был таким крепким и надежным, но его прикосновения, ладони, обнимавшие и гладившие ее лицо, были невероятно нежными.

В этот раз он отодвинулся медленно, как будто знал, что должен остановиться, но не хотел. И когда их губы наконец разомкнулись, Ровена ощущала дремотное бессилие, словно готова была растаять лужицей у его ног.

– Понравилось? – спросил он.

Ровена улыбнулась в ответ:

– Спасибо.

– Кажется, это первый раз, когда женщина благодарит меня за поцелуй. И я не уверен, что заслужил это.

– Почему?

Уголки его губ выгнулись в улыбке.

– Думаю, я могу лучше.

Лучше этого? Ровена не верила, что такое возможно. Но если Колин так думал, зачем бы ей спорить?

– Ладно, что происходит?

Ровена подняла голову и увидела Тришу, стоявшую в дверях.

– О чем ты?

– Ты улыбаешься весь день.

– В самом деле?

Ровена потрясла головой и попыталась убрать улыбку с лица, но уголки ее губ просто отказывались опускаться.

– И это глупая влюбленная улыбка, – заметила Триша. – Ты явно что-то от меня скрываешь.

Кому Ровена могла доверять, если не лучшей подруге?

– Закрой дверь.

Триша подчинилась и выжидательно присела на край стола.

– Ну?

– Поклянись, что никому об этом не расскажешь.

– Клянусь. Ты нашла кого-нибудь? – Триша понизила голос и спросила хриплым шепотом: – Ты переспала с ним?

– Лучше, – ответила Ровена, – я целовалась.

Целовалась, целовалась и целовалась, пока они с Колином не потеряли счет времени. Пока не забыли о времени вовсе.

– Только целовалась? – Триша была разочарована.

– Ага.

– И ничего больше?

– Не-а. Мы только целовались. Но это были не просто поцелуи. Это было... как в старших классах. Тот идеальный первый поцелуй на заднем сиденье машины, когда вы так заняты друг другом, что весь мир вокруг... словно тает. Вы теряете чувство времени, места и себя самих. Это было... идеально.

– Ух ты, – мечтательно вздохнула Триша. – Я тоже так хочу.

– Это был кусочек рая.

– Ты обязана рассказать мне, кто он и как вы познакомились. Через Интернет? Люди сейчас так делают.

Ровена рассмеялась:

– Нет. Не через Интернет.

– Тогда кто?..

Ее прервал стук в дверь. Триша распахнула дверь, и, к изумлению Ровены, там оказался Колин. На нем были штаны для бега и пропитавшаяся потом толстовка – и ему это все очень шло. Сердце Ровены пропустило удар, а лицо вспыхнуло.

– Колин... привет, – сказала она, гадая, что заставило его

рисковать попасться на глаза.

– У тебя есть минутка?

– Да, конечно. Триша, ты нас не извинишь?

Триша перевела взгляд с Ровены на Колина:

– Конечно.

Колин зашел, а Триша вышла за дверь и у него из-за спины одними губами сказала «боже мой», обмахивая себя ладонью.

Когда дверь закрылась, Ровена спросила:

– Что ты здесь делаешь? Что, если тебя кто-нибудь увидит?

– У твоего отца назначен поздний обед, а я решил пойти на пробежку. Если кто-нибудь спросит, скажу, что зашел за стаканом воды.

– Во-о-ды? – передразнила она. – У нас такого, кажется, нет.

Колин выгнул бровь и усмехнулся:

– Дразнишь меня за акцент?

Честно говоря, каждый раз от его речи у нее по коже пробегали теплые мурашки. Она могла часами его слушать и не скучать. Но это сейчас было не важно.

– Колин, тебе нельзя здесь быть. Мы же договорились, что все ограничится одним разом.

– Но с тех пор я не переставал думать о тебе.

– Пожалуйста, не говори так. – От таких слов Ровена внутри просто таяла. Как прошлой ночью, когда она пыталась уй-

ти, а Колин все говорил: «Нет, подожди, еще один поцелуй». Кто бы мог отказаться? Но теперь она должна была это сделать. — Ты хочешь меня только потому, что не можешь получить.

— Неправда, — сказал он, но Ровена только выгнула брови в ответ. — Ладно, немного правды в этом есть. Что поделать, я люблю приключения. Люблю опасность.

— Колин, если я соглашусь, и нас застукают...

— Не застукают.

— Но если застукают, я буду виновата.

— Ровена...

Новый стук в дверь, громкий и настойчивый, прервал его слова.

— Это я, Ро! — крикнула Триша. — Ты нам нужна.

— Так открой дверь.

Триша заглянула внутрь так осторожно, словно думала, что они тут голые.

— На игровой площадке несчастный случай.

Ровена немедленно вскочила с места и метнулась мимо Колина к двери.

— Только не пугайся, — продолжила Триша. — Все не очень серьезно.

— Кто?

— Может, ему нужно будет наложить пару швов...

— Триша, кто?

— Дилан, но...

Ровена уже вылетела за дверь. Колин готов был поклясться, что ее ноги не касались земли. Он побежал следом – его подготовка полевого медика могла оказать существенную помощь.

– Кстати, я Триша Адамс, – сказала женщина рядом с ним.

– Колин Миддлбери, – представился он, пока они не то шли, не то бежали следом за Ровеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.